

— Коня! Сейчас! — Чжу Цинъань поспешно справила нужду: если бы кто-то на самом деле подошёл, она не знала, смогла бы ещё терпеть.

Такую дуру она могла обманывать хоть десять раз на дню.

«Эй, что это?»

Под поясницей Чжу Цинъань виднелось родимое пятно в форме полумесяца, изогнутое, словно половина диаграммы тайцзи.

— Я готова, — сказала Чжу Цинъань, на ощупь подходя ближе.

— О, тогда пошли.

До лагеря оставалось ещё прилично. Бай Цингэ заметила вдалеке тёмные фигуры, преграждавшие путь, и сердце её ёкнуло.

Лишь приблизившись, она разглядела, что это всего несколько полувзрослых детей.

— Сестричка, не дашь ли поесть? Моя сестра несколько дней ничего не ела, — взмолился мальчик, держа на руках малышку лет трёх-четырёх.

— Моя мать в параличе, она тоже несколько дней не ела.

.....

Бай Цингэ окинула взглядом преградивших путь: у каждого рядом был беспомощный человек. Она нахмурилась, но не стала ввязываться. На таком расстоянии стоило лишь крикнуть — и люди из обоза услышали бы, так что лишние разговоры ни к чему.

Она взяла Чжу Цинъань за руку, собираясь уйти, но та слегка сжала её пальцы.

— У меня ещё есть несколько лепёшек, — тихонько шепнула Чжу Цинъань.

Даже движимая состраданием, Чжу Цинъань незаметно достала лепёшки из-за пазухи, спрашивая согласия.

Но эту сцену как раз заметил подошедший позже человек.

— Мне нужно лишь немного еды. Я могу не есть, но моя сестра голодает уже несколько дней,

иначе она умрёт с голоду, — выкрикнул мальчик.

То ли от вида еды, то ли от отчаяния его голос был так громок, что слышали те, кого Бай Цингэ только что проигнорировала.

Вмиг, словно мыши, учуявшие рис, они нахлынули роем.

Обе оказались в кольце: спереди — старики, женщины и дети, сзади — калеки. Пройти мирно было почти невозможно.

— Добрые люди, дайте и мне хоть немного!

— Благодетели, мне хватит одного кусочка!

— Сделайте доброе дело, я непременно поставлю свечу за ваше здоровье и буду молиться, чтобы ваша семья жила в покое.

Чжу Цинъань, ничего не видя и не смея применить силу, и не заметила, как лепёшки разобрали.

Как только у Чжу Цинъань ничего не осталось, только что бесновавшаяся толпа — даже те, кто ничего не получил, — ушли с благодарностью.

Бай Цингэ остро почуяла неладное.

Чжу Цинъань всё ещё не оправилась от недавней сумятицы:

— Они смогут выжить?

Ответа на этот вопрос не было.

— Пошли.

Вернувшись в шатёр, она немедленно позвала У Бяотоу и Хо Яцзы и рассказала о случившемся.

— Чую, тут что-то нечисто. Собираем вещи и уходим отсюда, — сказала она.

Хо Яцзы лишь на миг замялся:

— Ну... хорошо, сейчас распоряжусь, чтобы собирались.

В его представлении Бай Цингэ была почти что всемогущей — её суждения не могли быть ошибочными.

Но У Бяотоу думал иначе:

— Здесь отдыхает не только наш отряд. Те, у кого есть охрана и слуги, будут на нашей стороне. Если кто-то нападёт, стоит хоть немного подумать — те, кто с семьями, не позволят этим беженцам бесчинствовать. Ведь если ограбят первого, кто поручится, что следующий — не ты? Никто не станет рисковать жизнью всей семьи.

— К тому же двигаться ночью опасно — в случае беды нам будет трудно отбиться. А здесь мы хотя бы готовы.

— И потом, глава Хун, вы обещали мне, что в пути всё будет по моему распоряжению. Ночная дорога слишком рискованна. Я не могу не отвечать за братьев и не могу не отвечать перед заказчиками. Поэтому я против ночного перехода.

— Если вы оба так уж обеспокоены, давайте выедем завтра пораньше. Так пойдёт?

— Э... ну? — Хо Яцзы вопросительно посмотрел на Бай Цингэ: предложение У Бяотоу ему тоже пришлось по душе.

— ...Ладно. Завтра, как только рассветёт, сразу в путь.

Опасения У Бяотоу были небеспочвенны. Может, она просто зря тревожится.

Но действительность показала, что она недооценила ситуацию.

Едва она успокоила Чжу Цинъань, как снаружи поднялся шум.

Толпа полувзрослых детей вместе со стариками, женщинами и калеками явилась просить еду.

Будь Бай Цингэ там, она узнала бы: те самые, что недавно её останавливали, были здесь, и даже просьбы звучали так же.

— Смилуйтесь, подайте что-нибудь поесть.

— Я непременно буду жечь благовония и молиться за вас.

.....

Те, кто сумел сколотить состояние, были себе на уме: в такой момент ни в коем случае нельзя выносить еду.

Беда не в том, что мало, а в том, что неравно.

Обоз выбрал нескольких уважаемых людей для переговоров с беженцами — среди них оказался и господин Ван, которому прислуживал управляющий Фан.

Но все переговоры сводились к одному: продовольствия нет.

Тут кто-то из беженцев рассказал, как Чжу Цинъань раздавала лепёшки.

— Как это нет еды? Вы нас постоянно обираете! Даже нечестивая баба понимает, что надо помочь в беде, а вы, учёные мужи, все свои книжки в собачью пасть засунули?

У мужчин лица вытянулись. Они принялись раздражённо расспрашивать остальных, не видели ли те двух женщин — одну с обритой головой, её легко опознать.

Бай Цингэ и Чжу Цинъань, кроме того раза, когда выходили по нужде, целый день не покидали повозки, так что их никто не видел.

Но те, кто их сопровождал, видели. Хо Яцзы облился холодным потом: да ведь это же про его главу речь! Неудивительно, что она торопилась уйти — она с самого начала поняла суть.

Попадись они этим купцам или беженцам — живыми не уйти, разве что кожу сдерут.

Охранники переглянулись и, соблюдая профессиональную этику, промолчали. Они зарабатывали на жизнь риском, так что совесть им позволяла молчать.

— Вы шли целый день, видели этих двоих?

— Нет. Кроме своих домочадцев, никто таких с собой не водит.

— А может, они нас просто разводят? Хотят, чтобы мы зерно отдали.

— Я думаю, точно. Придумали отговорку — мол, женщины. О женщинах, небось, размечтались.

Услышав это, беженцы ринулись ещё яростнее, никто не желал уступать — конфликт

разгорался.

<http://bllate.org/book/18858/1839493>